

шаяся его жена, у которой штабные офицеры по десять раз целовали ручку, была еще счастливее...

Обойдя всю палату и повернувшись к выходу, Деникин патилулся на кровать Казьмина. Казьмин, вытаращив на Деникина свои завалявшиеся глаза, молчал.

— Казаки, — нашелся старший врач. — Ранен в ноги. Недавно был оперирован, — указал он на Казьмина. — А этот, — показывая на меня, добавил врач, — имеет реампутацию ноги.

Генерал Деникин, поглядев безучастно то на меня, то на Казьмина и не задав ни одному из нас своего общего вопроса „где ранен“, повернулся к выходу. При-

готовленный мною ответ „под Кумским“ остался у меня на устах...

Когда затихло легкое металлическое бряцание шпор, Казьмин, подражая тону и голосу Деникина, спросил:

— А вы где были ранены?

— Под хутором Кумским Суворовской станицы, — в тон ему ответил я с усмешкой.

— Эх, что Кумской! Кумской — не Лежанка. Видели? Лежанка, Лежанка и Лежанка...

— Видел, Казьмин. Да поедно. Ноги-то уж пег.

— Вот вам и еданая-неделимая, — добавил Казьмин и заерзал сердито по кровати...

Юрий Гончаров.

* * *

За калиткою раскрытой
Тихо звякнули монисты.
Расставаясь, посулила:
— Жди осенней песни листьев...
Зазвенят коня копыта...
Снова встречу меня здесь, милый...

Каждый день ловлю я шумы:
Не летят-ли с веток листья?
Не бледней-ли солнце тлест
В паутине золотистой?..
За чертой садов угрюмых
Так-ли небо все синее?..

Долог — долог, бесконечен
Путь к меже заветных сроков...
Несмыкаемы, веками
Те-ж законы в звездных строках —
Ночью в небе стынут свечи,
Утром реет алый пламень.

... Кто приблизит вечер встречи?..
Сдвинет Богамы законм —
В саван синий сад оденет?..
— Конь мой тонет в травах сонных...
Алый отблеск солнце мечет
На серебряное стремя...

Санжа Балыков.

Смерть Ад'яна.

(Оковчанье)*).

Урядник Ад'ян Монтанов был первый калмык и казак, присоединившийся к Степному отряду Походного Атамана, действовавшему в округе против большевиков.

Когда, через несколько дней, присоединились к степнякам калмыки Платовской станицы, а затем Граббевской и Бурульской и из них были сформированы две калмыцкие сотни, Ад'ян в одной из них стал вводом. Хорошо зная местность, Ад'ян всегда был проводником Степного отряда по ночам, по никому неизвестным тропам, по занесенной снегом Задонской степи, где непривычный человек чувствует себя словно в море без компаса. Всегдашней нахмуренностью, молчаливым упорством в боях, стремительностью в атаках и беспощадною расправою с попавшимися большевиками он много удивлял.

К весне поднялись против красных казачьи станицы по Дону и в станице Константиновской стал формироваться первый национальный калмыцкий полк, — Ад'ян с своей сотней попал в эту родную ему часть.

* См. № 15 журнала.

Константин Поляков.

МОЙ КОНЬ.

Мой конь в степи уныло ржет,
Копытом бьет сухую землю...
Косит глаза, кого то ждет —
Кто вденет ногу в это стремя...

Эх, вспомнить!.. дивно — хороша
Была та жизнь в лихом разгулье, —
Где сталь отцова палаша
Была презреньем вражьем пулям...

Мой конь и я, мы с ним вдвоем
Из смерти делали игрушку,
Когда с пагайкой и ружьем
Встречали глазом жерло пушки.

Бывало песню запою —
Прядет конь острыми ушами,
Затем мне думушку свою
Расскажет умными глазами...

Теперь мой друг уже не тот...
И чужа пир, шакал хохочет.
Иль может ворон уж клюет
Его тоскующие очи?..

1928.

Походный Атаман, лично знавший Ад'яна и его услуги отряду, произвел его в хорунжие.

Храбростью и отвагою Ад'ян быстро стал известен всему полку. Полтора года непрерывно пробыл он в его рядах, два раза был ранен, но дальше полкового обоза не уходил, а по выздоровлении успешно возвращался на фронт, точно не вздохнул еще навоевался.

В январе 1920 года, Зюнгарский полк в составе Донских конных корпусов участвовал в несчастном походе генерала Павлова по безлюдной Задонской степи из села Веселого на станцию Торговую.

На обратном пути, когда голодные и замерзшие люди беспорядочно забирались в хаты первых попавшихся казарм, станций и сел, Зюнгарскому полку, благодаря выносливости калмыков наименее пострадавшему, было назначено для ночлега самое дальнее село Лобанка.

Калмыки не тужили. Они знали, что потерпевший лишней час, приедут в большое богатое село, где стоят сотни подвод беженцев калмыков, среди которых многие

встретят свои семьи, родных и знакомых. А так как на другой день предстоял праздник „Цаган“, то многим мерещилось праздничное веселье, ласки жен и родных, сытное кушанье, кипмипекка, песни, балалайка, возможность хоть на день забыть холод, голод...

Часто переходя на рысь, быстро стремился полк на ночлег. Усталые, голодные люди и лошади палячили последние силы.

Было уже темно, мороз крепчал. Ярко и часто выездило; снег под ногами лошадей стал громко хрустеть. Брови и усы у людей и морды у лошадей покрылись белым инеем, который превращался в ледяные сосульки...

Верст семь оставалось еще до села — как пронеслось по полку:

— Хоружего Монтанова к командиру!! Квартирьеров от сотен в голову полка!!

Скоро хоружий Ад'ян Монтанов с квартирьерами отделился от полка и крупной рысью скрылся в темноте, направляясь к Лбпанке...

Между тем, к вечеру того же дня, часа за три до подхода Зюнгарцев, Лбпанка неожиданно была занята корпусом красной конницы и группы убитых беженцев калмыков, женщин и детей, уже валялись по улицам, а в двух-трех сараях сотни красноармейцев потешались над оставшимися в живых калмычками.

Голодный и замерзший, ничего не подозревавший Ад'ян без опасений въехал в село, заехал в первый двор, чтобы дать людям согреться, и был со всеми казаками схвачен красными. Узнав от Ад'яна, что идет полк, красные расставили пулеметы, заридили пушки на картечь и, наскоро расстреляв казаков-квартирьеров, вывели Ад'яна навстречу полку, чтобы он завел его в уличку, где предполагено было захватить в плен весь полк или расстрелять.

Ад'яну за это обещали жизнь.

Ничего не соображая, Ад'ян покорно согласился. Но, по мере того, как приближалось по его расчету

время подхода полка, он успокоился, собрался с мыслями и начал думать:

— Погибло все, погибнет родной полк, моя вторая семья... как его спасти... если спасу — погибну сам... а для чего жить, разве не на погибель я пошел с самого начала, когда нашел разоренным свое семейное гнездо? На что мне теперь жизнь... — мучительно проносилось в голове Ад'яна. — За свою Алту, за сыновей, за все мое скромное счастье в жизни, разбитое большевиками, я с лихвой отомстил, а теперь...

Перерывая его мысли, в ночной тишине стал слышен непрерывный хруст мерзлого снега под копытами лошадей.

Зюнгарский полк приближался к ловушке.

— Квартирьеры!! — раздался резкий, раздраженный голос полкового ад'юта, всегда строго требовавшего, чтобы квартирьеры непременно встречали полк на окраине села.

— Зови, отзовись по своему, — прошептал Ад'яну комиссар, направляя на него дуло пистолета.

— Царан Атан!!! Улачул дала!! Кулбджене!!*) закричал Ад'ян изо всей силы.

— Так, так, кричи еще, — шептал комиссар.

Приближавшийся полк моментально затих, отдаваясь послышавшейся рысь полка и, через минуту-две, ничего не стало слышно.

Тут только понял комиссар, что прокричал калмык на своем языке.

— Ты что...?! злобно заорал на Ад'яна комиссар.

— Стреляй меня... калмык не подведет свой полк... — тихо, но твердо ответил ему Ад'ян.

— Получай же, собака, — прошепел комиссар, поднося к глазам Ад'яна револьвер.

— Ом мани Бадме хом... — успел прошептать Ад'ян.

Глухо раздался выстрел, плотно приставленного ко лбу револьвера.

*) Назад! много красных! ждут!

Я. Рудик.
(Прага).

* * *

Хіба забуду я коли
Степи безкраї, як море,
Які у золоті квіли,
Зеленим шовком оздоблялись.

Хіба забуду, що генер
Вони могилами чорніють
Тих, хто за волю там умер,
В часи кривавої борні.

Хіба забуду, як пишалось
Своєю волею козацтво.
Хіба забути, — як зліталось, —
Щоб волю й стріхи боронить.

Хіба забуду дні недолі,
Як волю ворог полонив.
Хіба повірю, щоб без болю
Козацтво з Краєм розлучилось.

Хіба не чути грім кайданів,
В яких блукає воля там —
Серед степів, серед майданів,
Під глум жорстоких ворогів!

Гнат Макуха.
(Югославия).

* * *

Віками сіяли ми волю,
Терпіли лихо і недолю;
Віки нас козаками звали,
Віками славу ми кували,
Жили в степу, жили на волі...
Тепер — ми в злиднях і в неволі.
Степи з нас лицарів зкували,
Тепер — ми наймитами стали.

Чіє ж з нас серце те козаке
Не засумує, не заплаче,
Як думка полетить з чужини
До Нені — рідної Країни?
Брати! Орли ви сизокрили!
До зброї всі, до купи, мила!
У рідний край — шукати долі,
Шукати славному козацтву волі!